

— Учитель сейчас в поместье? — спросил Цзан Е, окидывая взглядом внутренний двор усадьбы.

— Дедушки-наставника нет, но мой учитель здесь, — отозвался юный адепт. — Если у почтенного шибо есть срочное дело, я мигом доложу о вашем прибытии, чтобы он встретил вас как подобает.

Когда Цзан Е только поступил в обучение в Циньлинь-юань, у Е Чанлина ещё не было других учеников. Теперь же у него не только появился младший брат-наставник, но и число племянников-учеников перевалило за все мыслимые пределы, что немало удивило Цзан Е. Е Чанлин всегда был человеком бесстрастным, чуждым мирской суеты, и если и брал кого-то в ученики, то явно не по своей воле. В своё время, если бы Цзан Е не искал смерти с таким упорством, Е Чанлин вряд ли бы заставил его войти в свои врата.

Хотя Цзан Е никогда не встречал этого «младшего брата» У Миншэна и не испытывал особого желания с ним знакомиться, он понимал: этот человек — ученик его наставника. Раз уж они принадлежат к одной школе, нельзя пренебрегать правилами приличия.

Приняв предложение юного адепта, Цзан Е и Янь Хуайлин прошли в главный зал обители.

Пока они ждали, У Миншэн с радушной улыбкой вышел им навстречу. Янь Хуайлин к этому времени уже начал терять терпение, а вот Цзан Е оставался невозмутим, обмениваясь с новоявленным братом вежливыми фразами.

— Сегодня старший брат вернулся в родные пенаты, а я не встретил вас у ворот. Прошу прощения за неучтивость, — произнёс У Миншэн. Голос его звучал мягко, почти елеяно.

— Младшему брату ни к чему такие церемонии. Мы явились незваными гостями, нагрянули внезапно, что само по себе было неосмотрительно, — ровно ответил Цзан Е.

Пока они обменивались любезностями, У Миншэн заметил за спиной Цзан Е статную фигуру в белоснежных одеждах. Он прищурился и улыбнулся ещё светлее:

— Прошу простить мою дерзость, но кто этот благородный господин?

— Янь Хуайлин. Рад знакомству, — кратко представился он.

У Миншэн отвесил поклон, а затем снова обратился к Цзан Е:

— Не знаю, по какому важному делу брат и господин Янь прибыли так внезапно?

— Благодарю за заботу, — отозвался Цзан Е. — Но моё дело может разрешить лишь учитель. Если ты позволишь нам остаться здесь на несколько ночей, мы подождём его возвращения.

— Разумеется, — У Миншэн уже собирался отдать распоряжения ученикам, но вдруг что-то вспомнил: — Комнаты, в которых я сейчас живу, когда-то принадлежали вам, старший брат. Если вы не побрезгуете тем, что я мог нарушить былой порядок, я велю слугам немедленно всё подготовить и уступлю их вам.

С этими словами он собрался отдать распоряжение Янь Вэю.

— Погоди, — остановил его Цзан Е. — Не стоит. Я давно покинул обитель. Я здесь гость, а гость следует воле хозяина. Если найдёшь для нас две чистые комнаты, буду весьма признателен. Теснить тебя в твоём же доме нет нужды.

У Миншэн изобразил на лице некоторую неловкость, но в итоге согласился:

— Раз старший брат настаивает, я велю подготовить комнаты для гостей.

— Благодарю.

Пока они договаривались, Янь Хуайлин оглядывал залы, гадая, где их поселят. Вдруг он перехватил странный взгляд У Миншэна — едва уловимый, сопровождаемый тягучей улыбкой. В этой улыбке сквозило нечто двусмысленное, почти интимное. Янь Хуайлин без тени смущения посмотрел на него в ответ, пытаясь разгадать истинный смысл, но У Миншэн тут же невозмутимо отвернулся и продолжил светскую беседу с Цзан Е, будто ничего и не было.

Обольщение красавцев было коньком Янь Хуайлина, и он прекрасно знал вкус подобных взглядов. Но когда кто-то пытался применить этот приём к нему самому, это вызывало лишь глухое раздражение. Лицо У Миншэна казалось обычным, а вечная улыбка — фальшивой. От этого человека веяло чем-то скользким, к нему не хотелось приближаться.

Впрочем, делиться этими подозрениями с Цзан Е было бессмысленно. Тот по характеру во многом походил на учителя — такой же сухой и бесстрастный. Скажи ему об этом, и он лишь упрекнёт в излишней мнительности.

В заднем дворе Циньлинь-юань располагался глубокий водоём с лазурной водой. Стоило ветерку коснуться поверхности, как на ней проступали странные морозные узоры — тонкие ледяные нити, сплетавшиеся в кружево и тут же исчезающие. Это зрелище заворожило Янь Хуайлина. Пока У Миншэн отдавал распоряжения насчёт комнат, Янь, помахивая веером, не спеша прогуливался у воды.

Ученики, подметавшие двор, поначалу испугались, когда незнакомец вдруг легко, словно пушинка, прыгнул на самую середину пруда. Но увидев, как он непринуждённо скользит по водной глади, лишь едва касаясь её носками сапог, успокоились, решив, что гость просто большой чудак.

Заинтересовавшись ледяными нитями под водой, Янь Хуайлин взмахнул веером, поднимая поток воздуха. Тонкие волокна тут же зашевелились, послушные воле ветра, и вывели на поверхности пруда изящный зимний пейзаж.

Выйдя из переднего двора, Цзан Е услышал восторженные возгласы и увидел Хуайлина, играющего с волнами на виду у толпы адептов, которые всю хлопали в ладоши. Заметив Цзан Е, юнцы мигом посерьезнели, прикусили языки и низко поклонились:

— Приветствуем шибо!

Кивнув племянникам, Цзан Е невольно засмотрелся на Янь Хуайлина. Тот, облачённый в белое, исполнял на воде свою технику «Лёгкого шага». Его одежды раздувались ветром, волосы летели следом — он казался небожителем, забывшимся в игре со стихией. Цзан Е хотел было окликнуть его и прервать это баловство, но заметил, что круги на воде, расходящиеся от веера, несут в себе странные белые нити.

Он подошёл ближе. Эти нити походили на серебряных змеек: то вспыхивали, то гасли, то лениво дрейфовали по лазури, то внезапно ныряли в самую глубину.

Наконец Янь Хуайлин заметил его. Замерев, он весело рассмеялся:

— Господин Цзан! Оказывается, в саду вашего учителя есть такое дивное сокровище! Впервые вижу подобное, право, глазам своим не верю!

— Выходи, — сухо бросил Цзан Е, видя, как тот переходит границы приличий.

Янь Хуайлин лишь приподнял бровь. Резко развернувшись, он поднял целую тучу брызг, направив водяную завесу прямо на Цзан Е. Тот среагировал мгновенно: меч даже не покинул ножен, но мощная волна истинной ци буквально разрежала водяную стену надвое. На Цзан Е не упало ни капли.

Янь Хуайлин вспорхнул над прудом и изящно приземлился на берег.

— Скучный вы человек!

— Этот пруд — место, где мой учитель предавался медитациям. Не смей здесь безобразничать.

— В самом деле? — Янь Хуайлин самодовольно обмахнулся веером. — Что ж, тогда я просто обязан поиграть с этой водицей ещё разок!

С этими словами он вновь взмахнул веером. Пруд взорвался — огромный вал воды обрушился на Цзан Е. Тот стремительно отпрыгнул, на лету выхватывая мечи. Скрестив «Двойные

драконы» перед собой, он выплеснул крестообразную золотую вспышку клинков. Громадная стена воды, встретившись с этой невидимой преградой, с грохотом рухнула обратно в водоём.

Но Янь Хуайлин не унимался. Он бросился вперёд, явно намереваясь нырнуть в самую гущу брызг. Цзан Е рванулся следом, протягивая руку, чтобы перехватить безумца. Однако в последний миг Янь Хуайлин резко сменил траекторию и, поддавшись инерции, нарочно вкатился прямо в объятия Цзан Е.

Тот не успел затормозить, и ему не оставалось ничего другого, кроме как подхватить Хуайлина за талию, помогая ему устоять на ногах.

— Ха-ха-ха-ха!

Янь Хуайлин залился смехом, едва коснувшись земли. Цзан Е потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать, что его нагло обманули. Он тут же разжал руки.

— Вам бы побольше смеяться, господин гвардеец, — Янь Хуайлин коснулся кончиком веера лба Цзан Е.

Тот резко отстранился.

— Подобные забавы мне чужды.

— Это лишь потому, что вы сами не желаете их замечать, — Янь Хуайлин обвёл рукой сад. — Зелёные горы, чистая вода, пение птиц... Разве не грех проходить мимо такой красоты?

Цзан Е промолчал, лишь пристально посмотрел на собеседника. Янь Хуайлин уже привык к этой тишине. Он знал: за внешней холодностью Цзан Е скрывается человек, который слышит каждое слово. Цзан Е был тяжёл, словно скала, и Янь Хуайлин всеми силами пытался придать ему хоть немного лёгкости. Он и не замечал, что в этой короткой совместной дороге его собственная натура, переменчивая и невесомая, понемногу обретала твёрдость под влиянием этой невозмутимой «земли».

Комнаты были готовы. Янь Хуайлин, не дожидаясь спутника, бросил через плечо: «Пойду прилягу», — и зашагал прочь. Он кожей чувствовал, что Цзан Е провожает его острым, словно у ястреба, взглядом до самых дверей.

***

Ночь выдалась душной. На небе ярко сияли звёзды, в ушах звенел стрёкот цикад, но ночной ветер не приносил пролады. Воздух казался раскалённым, сухим, как в печи. Янь Хуайлин ворочался с боку на бок, тщетно пытаясь уснуть.

Около полуночи он наконец сел на постели, собираясь потянуться за веером, как вдруг снаружи донёлся едва уловимый шорох.

Будь это лесной зверь или птица, он бы и глазом не повёл. Но звуки были иными: кто-то намеренно скрывал дыхание, осторожно крадучись в тени. Сон мгновенно слетел. Янь Хуайлин бесшумно скользнул к стене у окна, сжимая в руке дротики «Яньюй-бяо». Он помрачнел.

Эта горная усадьба не была тайным убежищем, но и случайные прохожие здесь не водились.

Затаив дыхание, Янь Хуайлин замер. Вдруг в ночной тишине поплыли нежные звуки циня. Мелодия была удивительной: то она ревела неистовым штормом, то шептала ласковой травой в тихом поле. Она обволакивала разум, заставляя сердце биться в такт, подчиняя себе волю.

Когда Янь Хуайлин с трудом пришёл в себя, он с ужасом обнаружил, что его тело движется само по себе. Каналы ци будто пронзило ледяными иглами, меридианы забились, кровь застыла в жилах — он не мог пошевелить и пальцем по собственной воле.

Музыка продолжала звучать, и Янь Хуайлин, словно марионетка, медленно спустился с кровати, взял со стола веер и ровным шагом направился к выходу.

«Техника Призрачного Трупца!» — молнией пронеслась мысль. Это было высшее искусство школы Цзюэ, позволяющее превращать противника в послушную куклу. Беда была в том, что Янь Хуайлин не успел до конца освоить знания своей школы. Если против «Техники Призрачного Пламени» он ещё мог выставить «Пламя, обжигающее сердце», то «Гуйши-шу» была ему не по зубам. Её могли применять лишь истинные мастера.

Пока Янь судорожно соображал, кто мог напасть на него, его ноги уже принесли его к дверям комнаты Цзан Е.

Сердце пропустило удар. Он пытался пробить заблокированные точки, но мелодия циня была слишком тягучей, она высасывала силы, пленяя саму душу. Всех усилий хватало лишь на то, чтобы сохранять крупинки сознания.

У самой двери Цзан Е его тело замерло. «Неужели передумал?» — мелькнула надежда. Но нет. Янь Хуайлин сам того не желая раскрыл веер и замер в атакующей стойке.

«Плохо!»

Не успел он даже вскрикнуть в мыслях, как острые лезвия сорвались с веера, а из рукава градом посыпались дротики, пробивая путь в комнату Цзан Е.

С оглушительным грохотом деревянная дверь разлетелась в щепки. Снаряды с невероятной силой обрушились на постель гвардейца. Янь Хуайлин похолодел от ужаса, но в следующий

миг услышал лишь сухой стук стали о дерево.

Кровать была пуста!

Не успел он осознать это, как сверху обрушилась мощная волна меча. Невидимый кукловод заставил тело Хуайлина отпрянуть в сторону, и в тот же миг Янь увидел Цзан Е — тот стоял наготове, сжимая мечи в обеих руках. Он смотрел ледяным и сосредоточенным взглядом.

Цзан Е почувствовал его приближение? Похоже, гвардеец и не думал спать или же проснулся в тот самый миг, когда кукловод только выдал себя. Его бдительность была поистине пугающей.

В одно мгновение они обменялись десятком ударов. Янь Хуайлин, не владея собственным телом, ощущал каждый выпад и видел, что Цзан Е бьёт в полную силу. Ему оставалось лишь гадать: понимает ли гвардеец, что дерётся не с ним, а с марионеткой?

Если Цзан Е знал это и всё равно не щадил его, то оставалось лишь восхититься его железной волей, не знающей личных чувств. Впрочем, какие там чувства? Они лишь спутники в одном задании, товарищи по несчастью, вынужденные вместе зализывать раны.

Скрежет стали о сталь разрывал ночь, а звуки циня становились всё невыносимее, проникая в самые кости. Голова Янь Хуайлина была готова лопнуть от боли.

Цзан Е же казался воплощением спокойствия. Его движения были безупречны: он скользил, словно по воде, нанося удар за ударом в стремительном танце клинков.

Когда Янь Хуайлин почувствовал, что его тело уже на пределе, Цзан Е внезапно сократил дистанцию. На миг его лицо оказалось совсем рядом, и в самое ухо Яню прозвучал резкий шёпот:

— Читать заклятие Призрачного Пламени!

В тот же миг Цзан Е мощным ударом ладони оттолкнул его и рывком выхватил из-за спины огненный меч Фэнцзянь!

Хотя Янь Хуайлин всё ещё не контролировал свои мышцы, он беспрекословно последовал приказу. Мысленно он начал читать мантру «Гуйянь-шу», внимательно следя за тем, что будет дальше.

Шум битвы уже пробудил адептов усадьбы. Они высыпали во двор и, затаив дыхание, наблюдали за сражением.

Сначала бледные огоньки заплясали на сапогах Янь Хуайлина, но быстро перекинулись выше,

охватывая всё тело. Искры падали на землю, и вскоре вокруг них забушевало целое море призрачного огня. Раскалённый воздух обжигал лёгкие. Янь Хуайлин едва не выругался про себя: «Неужели этот сухарь решил сжечь меня заживо вместе с кукловодом?!»

Но тут он увидел, как Цзан Е, взмыв в воздух, тоже начал читать заклинание. Меч Фэнцзянь вспыхнул. Из самого сердца бушующего пламени, повинувшись воле гвардейца, с пронзительным криком вырвался огненный феникс.

Янь Хуайлина обдало волной такой мощи, что контроль над телом на миг ослаб — похоже, кукловод тоже не на шутку испугался.

Но стоило Фениксу расправить крылья, как глухие звуки циня зазвучали вновь, с новой силой вцепляясь в разум Янь Хуайлина.

Это был «Танец феникса в девяти небесах» — высшая техника школы Цзюньту!

Подгоняемый яростным призрачным пламенем, огненный Феникс с грохотом, способным обрушить горы, устремился прямо на Янь Хуайлина!

В то мгновение, когда пламя должно было поглотить его, контроль над телом вернулся окончательно. Видя, что деться некуда, Янь Хуайлин вскинул полы одежд, готовясь к неминуемой боли.

Но обжигающего жара не последовало. Одежды не вспыхнули.

Удивлённый, он выглянул из-под рукава и обнаружил, что окружён прочной сферой льда, которая приняла на себя весь удар, защищая его от огня.

Тем временем Цзан Е, воспользовавшись тем, что Хуайлин свободен, вычислил местонахождение врага. Продолжая читать мантру, он яростно обрушивал удары огненного меча на пустоту.

Зависнув в воздухе внутри ледяного кокона, Янь Хуайлин осознал невероятное: Цзан Е читал два заклятия одновременно!

«Полет десяти тысяч снежинок» — ледяная техника школы Лин — создала этот щит, а «Техника Успокоения Сердца» развеяла чары магического циня.

Не желая оставаться бесполезным балластом, Янь Хуайлин рванулся вниз, пробивая ледяную корку. Веер в его руке превратился в смертоносное оружие.

— Сдохни, подлая тварь! — выкрикнул он, устремляясь туда, где затаился враг.

Янь Хуайлин применил технику «След дикого гуся не остаётся», мгновенно скрыв своё присутствие. Кукловод только собрался ударить по струнам циня вновь, как вдруг они лопнули с резким звоном — несколько дротиков из перьев дикого гуся вонзились точно в инструмент, и тот тут же вспыхнул.

Бросив горящий цинь, кукловод взмыл ввысь. Вскинув меч к ночному небу, он начал быстро бормотать заклинания. Холодный воздух застыл. Внезапно небеса осветились тысячами огней, и на землю градом посыпались раскалённые камни, подобно метеоритному дождю.

Янь Хуайлин приземлился и резким движением запустил веер вдоль земли. Раскрытый клинок веера, окутанный мощной ци, пронёсся по двору, сбивая огненные снаряды один за другим.

Когда веер начал возвращаться, Янь Хуайлин подпрыгнул, ловя его на лету, и выбросил вперёд ладонь. Золотой гусь — символ техники «Золотой гусь расправляет крылья» — вырвался из его рук, устремляясь к адептам Циньлинь, которые в ужасе метались по двору, спасаясь от огня.

Золотая птица накрыла людей сияющим куполом, принимая на себя ярость стихии. Вспышки пламени, чёрный дым, завывания ледяного ветра — всё смешалось в одно безумное мгновение.

Янь Хуайлин хотел было развернуться для новой атаки, но почувствовал, что враг уже за его спиной. Кукловод летел на него, целясь мечом прямо в сердце.

Веер был сложен, дротики кончились. Янь Хуайлин уже собирался развернуться, чтобы принять удар на ладонь, как вдруг почувствовал, что чья-то сильная рука обхватила его за талию, увлекая в сторону.

Не успел он опомниться, как мимо пронеслись две ослепительные ауры «Бешеных драконов», нацеленные в грудь преследователя.

Цзан Е, с лицом, искажённым яростью, крепко прижимал его к себе. В одной руке он сжимал меч, и взгляд его, устремлённый на кукловода, был беспощаден.

Они приземлились на крышу усадьбы. Янь Хуайлин взглянул на своего спасителя и ярко улыбнулся:

— Благодарю, господин гвардеец.

Цзан Е лишь коротко кивнул и вновь повернулся к противнику.

Увернувшись от призрачных драконов, кукловод зашёлся леденящим душу хохотом.

— Ха-ха-ха-ха! Цзан Е, я много слышал о тебе, но сегодня воочию убедился: слава твоя

заслужена!

Этот голос... Янь Хуайлин и Цзан Е узнали его мгновенно.

— Младший брат У?

— У Миншэн?

Стоило именам прозвучать, как адепты внизу замерли в немом изумлении, вглядываясь в замаскированную фигуру в небе.

— Только позавчера я получил верные сведения о «Медицинском трактате», и вот вы сами приносите его мне в руки! Сами небеса помогают мне!

Цзан Е промолчал, лишь крепче сжал рукоять меча.

— Я годами гнил в этой проклятой обители, — продолжал У Миншэн. — Втираясь в доверие, прикидываясь верным учеником, и всё ради того, чтобы выведать тайну трактата. Я знал, что адепты школы Лин близки к мастерам Пяти Цветов. Но этот старый хрыч Е Чанлин оказался слишком крепким орешком — ни хитростью, ни лестью я не смог вытянуть из него ни слова. Но ваш приход избавил меня от хлопот! Раз вы везёте трактат в Тайянь, значит, он достанется мне!

Не дожидаясь ответа, У Миншэн нанёс удар ладонью.

Цзан Е и Янь Хуайлин приготовились уклоняться, но удар был направлен не на них. Струи ци обрушились на обломки магического циня, превращая их в пыль.

Янь Хуайлин нахмурился, не понимая замысла.

Но тут обрывки струн, словно потревоженные змеи, вдруг ожили и устремились вверх. Прежде чем кто-то успел опомниться, они выстроились в небе, образуя ровные, смертоносные линии.

<http://bllate.org/book/17493/1708883>